

Громова П.Д.

Наша память

*Мемуары вдовы генерал-лейтенанта
Льва Александровича Громова*

**Город Сестрорецк
2021**

Я, Полина Дмитриевна Громова, родилась 21 октября 1921 года в селе Ромашково Московской области. В октябре 2021 года мне исполнилось 100 лет – век! Много прожито, пережито, о многом хочется рассказать и передать на память потомкам. Свои воспоминания я посвящаю своему супругу – генерал-лейтенанту Льву Александровичу Громову, с которым меня свела судьба в блокадном Ленинграде, на линии фронта, и подарила 46 прекрасных лет совместной жизни и двух замечательных сыновей. Вот уже 30 лет его нет с нами, а память раз за разом возвращает меня в дни молодости, когда мы только познакомились с ним под свист пуль и вой снарядов.

Детство и юность

Семья моя – рабоче-крестьянская. Жили мы в подмосковном селе Ромашково в доме номер 13 по Советской улице. Места в наших краях – очень живописные. Расположенное между двух высоких холмов село (Нижнее и Верхнее Ромашково, а чаще говорили «На горе» и «Под горой»), речка с ключевой водой, леса и луга очень полюбились даже столичным художникам.

Глава семьи, мой отец – Дмитрий Иванович Бычков, 1883 года рождения, имел три класса образования, но человеком был очень эрудированным и мудрым, трудился он в совхозе бригадиром на скотном дворе. Мама – Пелагея Александровна Бычкова, 1886 года рождения, занималась воспитанием троих детей и работала в колхозе. Отец сосватал её из деревни Черепково, которая была в трёх километрах от нас. Жили они в любви и согласии, помогали друг к другу во всех делах и воспитывали нас, троих детей в уважении к старшим, приучали к труду и стремлению получать знания.

Моего старшего брата звали Егор Дмитриевич Бычков (как мы его любя называли – Жоржик), он родился в 1913 году, старшая сестра – Екатерина Дмитриевна Бычкова родилась в 1914 году, а я, самая младшая, – в 1921-м.

Жили мы в доме у бабушки Тани, мамы моего отца. Кроме нас в доме жил ещё одинокий дед, которого бабушка приютила по доброте душевной. Мне запомнилось, что он почти всё время спал на печке. Жил с нами и мой дядя Вася, сын которого женился и уехал в другую деревню к жене, а он остался одиноким.

Родители учили нас быть послужными, вежливыми и гостеприимными. Обязательным было правило здороваться со всеми при встрече. Бывало, я говорила маме: «Я их не знаю!». На что получала ответ: «Зато они прекрасно знают, чья ты дочь!». Чтобы не путать нас с мамой, её звали Полюшка, а меня – Полинка.

Ещё отмечу, что все были очень весёлые, любили музыку и песни. Папа пел в церковном хоре, а Жоржик

Село Ромашково.
Видна дорожка к родительскому дому – Бычковых

играл на баяне. Поэтому неудивительно, что и я очень любила музыку и песни. Мне даже советовали учиться на профессиональную певицу. Сказал это живший до 1937 года в соседней Немчиновке бывший царский чиновник, немец по национальности. Деревню так и называли по жившим там с царских времён немцам. Расположена она была всего в трёх километрах от нашего Ромашково.

Предки этого чиновника приехали в Россию ещё при Елизавете, обрусели, завели семьи и проросли корнями в русскую землю. Когда-то это было его имение. Он даже построил прямо на крутом берегу обрыва на свои средства больницу и родильный дом, в которые провёл водопровод и электричество. И это при том, что все в округе пользовались керосинками и водой из реки, которую носили на коромыслах. Но с приходом советской власти все национализировали, оставив ему только маленький семейный домик. Я ходила к ним с молоком. А иногда помогала по хозяйству или вместе с его дочкой делала на втором этаже больницы раствор для пломбирования зубов. И всё время пела во время нехитрой работы. Вот тогда-то он и сказал, что голос у меня, как у настоящей певицы.

С детства нас, детей, приучали к труду. Ведь держали корову, лошадь, много птицы, да ещё и огород. Родители никогда и ничего делать не заставляли. Всегда придумывали маленькие хитрости. Например, мама могла сказать: «В зеркало посмотреться хочешь?». Конечно, я радостно кивала головой. «Тогда бери самовар и битый кирпич и чисти его до блеска. Хорошо начистишь, себя увидишь». И сидела я начищала самовар, пока не получала результат. Но самым моим любимым поручением отца было отвести коня к реке на водопой. Отец говорил: «Хочешь покататься на коне?». Я, конечно, с радостью отвечала – «Да». – «Тогда бери коня и езжай к реке на водопой», – говорил отец. Он сажал меня на лошадь, я крепко обхватывала её за шею, и мы шли к реке Чаченке с быстрым течением и прозрачной ключевой водой. Под горку лошадь спускалась тихо, но я всё равно скатывалась практически к её голове. А вот обратно, в горку, оказывалась у самого хвоста. Лошадь была моей

Церковь Николая Чудотворца в селе Ромашково

любимицей. Я сэкономила кусочки сахара и угощала её.

Жили все тогда бедно, но дружно. Вместе с другими детьми ходили купаться на речку, зимой катались с нашей крутой горы. Санки у нас были самодельные, на них могло поместиться до пяти человек. Зимой, когда родителей не было дома, любили пошалить, например, меряли глубину снега, голыми ногами пробегая по двору, а потом грелись на печке.

Самым почитаемым праздником в Ромашково был Николин день, его отмечали в храме святого Николая Угодника. Сначала церковь была деревянной, её возвели по приказу царя Николая Первого, затем спустя почти сто лет на месте деревянной церкви был установлен красивый каменный храм. Мы с ребятами любили залезать на его колокольню и рассматривать своё село с высоты. В этой церкви крестили всю мою семью и, конечно, меня.

С детства люблю высоту. Помню, как с двумя подругами Тоней Сергеевой и Клавой Калининой устроили по «домику» на огромных вековых липах и по веткам ходили друг к другу в гости. Угощением служили липовые листочки, которые играли роль пирогов. Мама ругалась и громко кричала, что мы можем свалиться. Но мы смеялись и отвечали, что ветки толстые, и высоты не боимся.

А когда уже стали постарше, любили ходить в гости к ещё одной подруге – Маше Курочкиной. Была она сиротой, жила с бабушкой на втором этаже мастерской по производству валенок. Бабушка строго следила за порядком, и нам хоть и было по 15-16 лет, в голову не приходило говорить плохие слова или, например, курить.

Время было тяжёлое, после революции прошло всего несколько лет, но несмотря на трудности и испытания, наш народ привык всё переносить мужественно и с достоинством. Взрослые много трудились, а мы, дети, им помогали, как могли.

Хочу сказать, что всегда заботились о детях. Хоть мы и ходили в обычную церковно-приходскую школу, обучали в ней, кормили и все школьные принадлежности

выдавали бесплатно. В эту школу я проходила четыре года – с 1932 по 1937 год. Учительница в ней работала одна, была она интеллигентной и очень грамотной. Голоса никогда не повышала, говорила медленно и спокойно. Но её все беспрекословно слушались и старательно выполняли задания. В классе стояли парты в два ряда. На первом ряду третьеклассники и выпускники четвертого класса в возрасте от 14 до 16 лет, а во втором ряду мы – первоклассники и второклассники.

В окна постоянно заглядывали ребята и заводили разговоры со старшими девочками, отвлекая всех от уроков. Но учительница давала дополнительное задание и все продолжали учиться.

На фото Полине Дмитриевне – 70 лет

Москва

А потом нас, деревенских ребятишек перевели в городскую школу, где я окончила седьмой класс. В Москву добирались самостоятельно на поезде. Учились мы во вторую смену, а приезжали рано. И руководство Белорусского вокзала выделило нам очень красивый зал, где мы могли делать уроки и дожидаться времени начала занятий. После небольшого помещения в сельской школе, мы были ошеломлены, увидев, где будем коротать время. Высокие потолки, лепнина, красивые деревянные диваны и столы.

Мы приходили в зал, снимали валенки и в одних прохудившихся чулках шли в класс, садились за большой овальный дубовый с резными ножками стол, доставали свои чернильницы-непроливайки и делали уроки.

Поозорничать тоже любили. Однажды с подружкой забрались с ногами на диван и с криками «Асса!» выплясывали на нём лезгинку. Заглянувшему в зал дежурному милиционеру даже не пришлось делать нам замечание, наше озорство как рукой смело, мы затихли и снова сели за стол.

Помню, как первый раз приехала в Москву. Было это в 1929 или 1930 году. По узким улицам ездили пролётки, запряжённые лошадьми. Через Кремль ходили пешком. А за Кремлём был базар, где цыгане продавали лошадей. Дома даже в центре были в основном деревянными двухэтажными с коммунальными квартирами. В одном из таких домов жили мои родственники, к которым я ходила в гости, когда уже после средней школы поступила в школу ФЗУ лёгкой промышленности учиться на профессию швеи. Мама всегда мне говорила, что с такой профессией голодной никогда не останусь. И действительно, умение шить мне не раз пригодилось в жизни.

Столица очень быстро строилась и развивалась. Уже в 1935 году в Москве работало метро, ездили троллейбусы и трамваи. Быстро строились новые каменные дома. Работали и никогда не пустовали театры, музеи, выставочные залы и галереи.

Запомнился случай, когда я увидела, как при расширении Тверской улицы в глубину сдвигали целые дома. Один из таких домов сдвигали на моих глазах. Нам сказали, что потом в нём откроют музей. Я стояла тогда и думала: «Интересно, пустят нас в этот музей или нет?». Увы, в музей этот я так и не попала. Ни до войны, ни после...

Школу ФЗУ лёгкой промышленности по специальности «швея верхней одежды» я окончила в 1940 году. Устроилась работать на швейную фабрику в Москве, ателье тогда ещё не было. Ездила туда каждый день и строила планы на будущее. Появились первые поклонники. Старшая коллега, с которой я работала на фабрике, всё время меня предупреждала – не доверять ребятам, боялась за мою честь. Но мы тогда были совсем по-другому воспитаны. Без разрешения родителей вступать в брак тогда было не принято, позорно, тем более допускать вольности до брака. Хотя, конечно, всякое случалось, но это были исключительные случаи, а не правило.

Москва. 1930-е гг.

Война

Жизнь шла своим чередом, ничего не предвещало беды. Наступило лето 1941 года. В воскресный день 22 июня мы всей семьёй сидели на крыльце за столом у самовара и пили чай. Вечером я собиралась поехать с подружками на танцы, родители не возражали. И вдруг тревожно заговорило радио: «Говорит Москва, говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!». Мы все затихли и напряглись, отец первым произнёс: «Неужели, война!». Началось выступление Вячеслава Михайловича Молотова. Он начал с того, что в четыре часа утра фашистские войска Германии нарушили границы Советского Союза. Что ведётся сражение за Брестскую крепость, и советские войска ведут ожесточённые бои по всей западной границе страны.

В первые минуты и часы ужасная ошеломляющая новость нами да конца не осознавалась. Тогда было больше возмущения, чем страха. Ещё бы! Напали на нас без объявления войны, какая наглость! Но уже вечером фашистские самолёты летели к Москве и сбрасывали на неё бомбы. Мы видели силуэт фашистского бомбардировщика в лучах прожекторов из Ромашково, но ничего не могли поделать. Сосед схватил охотничье ружьё и стал по нему стрелять, надеясь, что пули долетят. Все бросились в военкоматы с просьбой направить на фронт. Я тоже пошла в сельсовет и попросила принять меня в добровольцы. Но мне сказали, что женщин призывают, только если они медики или снайперы. Потянулись тревожные дни ожидания. Враг рвался к столице.

В осенние дни 1941 года к нам в дом пришла беда. К сожалению, в эти годы и по городу, и по деревням прошла волна репрессий. Многие попали под их жернова по ложным обвинениям и доносам предателей. Пострадал тогда и мой отец, работавший бригадиром в колхозе. Осенью 1941 года, когда фашисты приближались к Москве, председатель колхоза дал ему приказ зарезать всех коров и других животных. Отец возразил и предложил эвакуировать животных подальше от Москвы, чтобы затем, когда враг

будет отброшен от города, вернуться с ними в родные места. Но его слова были рассмотрены председателем колхоза как сопротивление властям, и в тот же день за ним и другими работниками, которые поддержали отца, приехал «чёрный воронок». Семье даже ничего не сообщили. Приговор был жёсткий – десять лет без права переписки. Я поехала в Москву, отдала письмо на имя Калинина, но всё напрасно. У отца были слабые лёгкие, и он умер спустя несколько месяцев, даже не доехав до лагеря, в возрасте 56 лет. Обо всём этом мы узнали намного позже, когда пришли документы на посмертную реабилитацию папы. Но благодаря этому поступку папы, коровы остались живы, пока разбирались с ним, немцев уже отогнали от стен Москвы, и надобность в том, чтобы известить скотину пропала.

Мы с мамой остались совсем одни. Брата с семьёй, который работал на одном из московских заводов, эвакуировали в Казань, мужа сестры забрали на фронт. Она с двумя детьми жила самостоятельно. Я бросила работу, так как ежедневно ездить в Москву уже не было возможности, да и маму никак нельзя было оставить.

С фронта приходили тревожные вести: взят в кольцо блокады Ленинград, фашисты приблизились вплотную к Москве. Вражеские самолёты сбрасывали листовки с лозунгами, что 7 ноября они будут на Красной площади и призывали встречать их с блинами и пирогами. Было действительно страшно. Я даже стала рыть землянку, чтобы прятаться от артобстрелов и, главное, закопать свою самую большую ценность – швейную машинку. Напряжение нарастало, и к концу октября, когда враг приблизился к Москве на несколько десятков километров, в городе началась паника. Доходило до того, что посреди белого дня разбивались витрины магазинов, и люди выносили из них всё, что попадало в руки. Но это продолжалось буквально сутки. Жёсткие карательные меры, вплоть до расстрела на месте, остудили «пыл» мародёров.

И вот наступило 7 ноября. Я вышла из дома в Ромашково рано утром, в руках несла свою

единственную ценность – «швейную машинку». Спустилась под гору и стала увеличивать размер ямы, которую копала уже несколько дней, чтобы спрятать там машинку. Вернулась домой и услышала по радио всем знакомый голос диктора Юрия Борисовича Левитана, о том, что сегодня в День Великой Октябрьской социалистической революции на Красной площади проходит военный парад и, наконец, о том, что сейчас будет выступить Иосиф Вессарионович Сталин.

И мы, вместе со всей страной услышала речь Сталина, который спокойным и уверенным голосом поздравил соотечественников с праздником, пожелал здоровья, благополучия, успехов во всех делах и завершил речь своими знаменитыми словами: «Не страшен чёрт, как его малюют. Победа будет за нами!». Мне повезло, что я лично слышала его голос и, как и миллионам жителей Советского Союза они придали уверенность и огромное желание продолжать делать всё, чтобы приблизить Победу. Народ безоговорочно верил Сталину, и он своё обещание выполнил.

7 ноября на Красной площади состоялся парад советских войск, участники которого уходили сразу в бой на передовую. Враг за короткое время был отброшен от Москвы, и наша Красная Армия стала накапливать силы для решающего удара по фашистским войскам.

Вместе с другими молодыми ребятами из Ромашково меня отправили копать противотанковые рвы в село Жаворонки. Вместо обещанных нескольких дней, мы пробыли там больше месяца, обовшивели, голодные и холодные самостоятельно вернулись домой. Мама чуть в обморок не упала, увидев меня. Во-первых, потому что я ужасно выглядела, а во-вторых, потому что опасалась за моё будущее. «Как так, сами пришли? Так ведь под трибунал попадёшь!», – причитала она. И имела на это право. Мы обе прекрасно помнили о трагедии с папой, которого прямо с работы увёз «чёрный воронок». Чтобы предотвратить беду, в колхозе каждому из нас срочно дали какое-нибудь поручение. Я стала шить маскировочные халаты для армии.

Аристархов

Я умела шить и поэтому взялась за сложный заказ – пошив маскировочных халатов. Норма была десять халатов в день. Вставала в шесть утра и начинала шить. К вечеру норма была сделана. Но руки очень уставали, электрических швейных машинок тогда не было. Решение пришло совершенно неожиданно, откуда я и не ждала. За заказами приходили военные. Ребята молодые, холостые. Они постоянно предлагали прогуляться с ними или сходить на танцы. Я отнекивалась, ссылаясь на отсутствие времени и усталость. Как-то в шутку предложила прокрутить ручку швейной машинки, а один из них взял и согласился. Дело пошло в два раза быстрее. Я подкладываю ткань, а он крутит ручку машинки и поёт: «О любви не говори, о ней все сказано. Сердце верное любви молчать обязано». И смотрит на меня влюбленным глазами. Стали мы с ним встречаться, но о каких-либо вольностях тогда и речи не могло бы быть. Я и представить себе не могла, что до свадьбы можно целоваться, не говоря уже о чём-то другом. Так и «докрутил» машинку до того, что сделал мне предложение руки и сердца. Мне он очень нравился, и я готова была сказать – да.

Мама возражала: «Война, а ты замуж собралась. Он военный, а, если убьют?». Но Володя, так звали моего кавалера, сумел завоевать доверие и у мамы. Он ей помогал по хозяйству, приносил свой усиленный офицерский паёк, и она сдалась. Так, в декабре 1942 года я стала Аристарховой. Прожили мы недолго. Ещё летом 1942 года вышел приказ призвать в Красную Армию девушек и женщин. Как мы с моими подругами Макарычевой Настей и Лёлей Куликовой этого ждали! Но когда в декабре я получила повестку, стала переживать, что теперь уже надолго расстанусь с мужем, ведь его часть перевели на другой фронт. А мы мечтали, что по прибытию к новому месту службы он постарается взять меня туда вольнонаёмной. Но на просьбы отправить меня в часть к мужу в военкомате ответили отказом. «Годна к строевой службе» было написано в документах. Отпустили меня домой до особого распоряжения. Я плакала, думала сама поехать попрощаться с Володей, но не получилось.

Красная Армия

Вскоре нас с Настей и Лёлей призвали в Красную Армию. Зима стояла лютая. Мороз сорок градусов, а мы на санях едем в Москву. Накрыли нас чем могли, чтобы не замёрзли. Так и ехали под тулупами, согревая друг друга.

До Москвы мы не доехали. Пункт сбора располагался в одном из подмосковных монастырей в городе Загорске. Там мы жили несколько дней в ожидании прибытия всех новобранцев. Спали прямо на полу, а в туалет ходили просто на улицу.

Когда собрали две с половиной тысячи девушек, нас посадили в товарный поезд и повезли в неизвестном направлении. В поезде было не очень тепло, но вполне терпимо, так как в каждом вагоне стояла дровяная печь. Спали одетыми, не снимая обуви на двухъярусных нарах, застланных соломой. С одной стороны вагона – девочки из Загорска, а с другой мы – москвички. Выдали нам пайки и сказали, что едем защищать блокадный Ленинград. О тяжёлом положении в Ленинграде знали все. Люди умирали прямо на улицах от голода и холода под непрерывными обстрелами и авианалётами. Мы решили копить пайки, так как в дороге кормили нас очень даже неплохо.

Вроде и паёк – свой, но всё равно мне было как-то стыдно, будто я утаиваю продукты от кого-то, а там, в Ленинграде от голода умирают люди. От таких мыслей я часто плакала. Но как бы то ни было, постепенно все свыкались с новыми обстоятельствами и налаживали быт, потихоньку обживая свой вагон.

Это теперь до Москвы можно на скоростном поезде за три часа доехать, а той холодной зимой 1942 года мы ехали через Тихвин несколько дней. Часто останавливались, пропуская составы с военной техникой и ранеными. В одну из таких остановок девочки раздобыли топор. И мы не только могли самостоятельно колоть собранные на остановках дрова, но и придумали свой туалет, просто прорубив в середине вагона дырку в полу, закрыв её собранными на остановках тряпками.

Молодость брала своё, мы часто шутили и хохотали. Помню, как однажды Настя сидит, чешет себя под мышкой и кричит: «Девчонки! Загорские! Ловите вшей московских! Больше таких не найдёте!», и делает вид, что кидает в их сторону. Хохот стоял минут пять! Почти восемьдесят лет прошло, а голос Насти и смех подруг у меня перед глазами.

Привезли нас на берег Ладожского озера. Дальше путь предстоял на полуторках по льду Ладоги в блокадный Ленинград. Сама природа нам помогала. Мороз под сорок градусов был нам на руку – лёд крепко сковал воды озера, несмотря на то, что он был весь в воронках от снарядов. Да и тёмная декабрьская ночь увеличивала шансы на то, что мы доедем до Ленинграда без потерь.

Мне повезло, я заняла место у кабины водителя. Сопровождающий нас молодой лейтенант сказал, что сначала мы доедем до деревни, а потом уже по Ладогге. Ехали долго. Я всё смотрела в щель в тенте, когда же покажется деревня? Периодически кричала в кабину, спрашивала, когда деревня будет? Мне отвечали: скоро. Дорога была неровная, вся в ухабах. Вдруг полуторка резко остановилась, и прозвучал приказ выходить из машины. Сказав это, сопровождающий перекрестился.

Оказывается, мы благополучно проехали тридцать километров по Ладогге. Девочки накнулись на лейтенанта, почему он нам не сказал? Он ответил, что берёт нас, да и в машине спокойнее обстановка была.

Мы притихли, осознавая, что находимся практически в блокадном городе и совсем скоро наша жизнь полностью будет подчинена военному распорядку.

Ленинградский фронт

На пригородном поезде нас довели до Ладожского вокзала, оттуда перебросили на Финляндский вокзал. В шесть утра построили в колонну, и мы строем пошли пешком через Литейный мост.

Несмотря на темноту и раннее утро, на улицах было много людей, большинство из которых – в военной форме. Но запомнилась и дама, одетая в красивую меховую шубу с такой же меховой муфтой. Никаких трупов мы не увидели. Я тогда подумала: «Ленинград жив!. Все будет хорошо».

Идём по Ленинграду, и вдруг Настя выскакивает из колонны и кричит: «Миша!». Оказывается, она встретила своего знакомого! Получила тогда моя подруга своё первое замечание за нарушение дисциплины.

Привели нас на приёмный пункт, который находился недалеко от Балтийского вокзала, там отвели в баню, обработали от вшей и выдали военную форму: нижнее бельё (рубашки и кальсоны), гимнастёрки, брюки-галифе с красным кантом, шинели, шапки-ушанки и кирзовые сапоги с портянками. С портянками мы самостоятельно справиться не могли, нас долго обучали, как ими пользоваться. Форма была не по размеру и смотрелась на нас нелепо, но выбирать не приходилось. Уже потом на фронте я перешла её под свой размер и помогла всем подругам.

Очень хотелось, чтобы нас четверых, призванных Кунцевским военкоматом Москвы, направили на фронт вместе. И просьбу мою услышали. Я, Лёля, Настя и ещё одна девушка были зачислены в 18-ю зенитную батарею 4-го дивизиона 192-го зенитно-артиллерийского полка Ленинградского фронта.

Шли мы строем в свою часть всю ночь, под утро перешли мост недалеко от Ижорского завода. По привычке громко разговаривали. Но сопровождающий нас офицер предупредил, что разговоры запрещены. Впереди показался высокий бугор, поросший мелким кустарником, по крутому берегу реки Ижоры мы стали подниматься в гору и уткнулись в ствол орудия,

направленный в нашу сторону. Поначалу испугались, но солдат у орудия нас успокоил, мол, орудие «зачехлено» и не в боевой готовности. Нас встретил командир батареи, поздравил с успешным прибытием и определил всех в землянку. Приказал ночь отдыхать, поутру подогнать по росту обмундирование и по тревоге не вставать, так как первые несколько дней беспокоить нас он не планировал, чтобы мы могли спокойно обустроиться и привыкнуть к армейской жизни.

Разложили мы вещмешки и прилегли отдохнуть. Решили обед не брать, оставить его ленинградским девчонкам, которых призвали вместе с нами. У нас ещё оставалось много еды с дороги. Хлеба по ленинградским меркам на фронте давали достаточно – по триста граммов, а после прорыва блокады добавили до шестисот. В землянке было прохладно, шинели не снимали, даже шапку-ушанку только спускали на завязках на шею. В дальнейшем мы так и привыкли спать, а вернее дремать в полной боевой готовности и в одежде.

Только прилегли, прозвучал сигнал боевой тревоги о начале массированного налёта фашисткой авиации. Батарея открыла огонь по вражеским самолётам под прожекторами. Мы выскочили из землянки, получив приказ подносить снаряды к орудиям. Грохот стоял оглушительный, мы растерялись и не понимали, что нам делать. Слышим голос одного из красноармейцев: «Девчата, не робейте! Откройте рот пошире, чтобы не оглушило. И бегом подавайте снаряды к орудиям». А мы, чуть не плача, кричим: «А где их взять то?». Показали нам, где брать снаряды, мы схватили по одному снаряду, вскинули их на плечо и побежали, даже не заметив, что весят по семь с половиной килограммов. Бегали быстро, поднося снаряды, и уже не обращали внимания на стоящий вокруг грохот. Бойцы на орудиях показали нам, как отходить на безопасное расстояние, чтобы не ранило откатывающимися гильзами.

Фашистские самолёты, наткнувшись на заградительный огонь нашей батареи, стали сбрасывать бомбы прямо на линию фронта. Я тогда подумала:

Настя Макарычева. 1943 г.

«Хоть бы не на нас». Стрельба закончилась внезапно. Зенитчики не пропустили в Ленинград фашистов и отогнали их от города.

Нас, новобранцев, построили вместе с боевым составом батареи, и командир батареи, старший лейтенант Громов обратился ко всем с речью, в которой поздравил с первым боевым крещением и поблагодарил, что ни одна из нас не струсила в бою.

*Оружейный расчёт.
Защитники блокадного Ленинграда. 1941-1944 гг.
4-й дивизион 18-я батарея*

На следующее утро всех построили и определили для новобранцев места постоянной службы. Меня и Настю Макарычеву назначили наводчицами по вертикали на приборе ПУ АЗО-3, меня – по вертикали, а её – по горизонтали. Лёля стала телефонисткой. Обучались прямо на батарее в минуты затишья. Мы не только изучали приборы, но и учились ползать по-пластунски, владеть винтовкой и противотанковыми ружьями, противогазами, стоять на посту с оружием в руках и другим боевым навыкам.

В мои задачи наводчика по поиску противника по вертикали входило: при звуке самолёта противника определить его название, затем визуально увидеть его в перекрестье прибора и доложить: «Цель поймана!». Одновременно с этим практически синхронно работала Настя. Всё это необходимо было делать в считанные секунды, так как от этого зависело качество огня батареи, ведь наши показатели напрямую шли на орудийные расчёты. Тренировались долго и упорно. Командир батареи приказывал запускать в небо воздушные шары, и мы учились мгновенно реагировать, ловить их на приборе и докладывать о выполнении задачи.

Постепенно налаживали свой быт, утепляли и обустроивали землянку. Для того, чтобы сделать двойной накат, нам принесли с Ижорского завода шестиметровые брёвна.

Прибыли мы на батарею 6 января 1943 года перед самым прорывом блокады. Фашисты зверствовали, пытались ослабить нашу оборону, над позициями постоянно кружили разведывательные самолёты противника, обстреливая нас шрапнелью, практически ежедневные обстрелы наземной артиллерии и налёты авиации. Нас выручало то, что командование обустроило ложные позиции на порядочном от нашей батареи расстоянии, и большую часть огня они брали на себя.

Однажды я на себе испытала, что такое попасть под обстрел на открытой местности. Был день моего дежурства, я ушла за обедом и, нарушив дисциплину, не надела каску. Начался обстрел. Мне пришлось

Ст. лейтенант Громов на огневой позиции. 1942 г.

бежать «петлями», чтобы не ранило. С тех пор я всегда надевала каску, если предстояло выходить из траншеи на кухню, в туалет или в санчасть.

Командир батареи старший лейтенант Громов за дисциплиной следил строго. Если он отлучался, то его обязанности исполнял заместитель командира батареи. Даже в туалет надо было получить разрешение пойти «по курсу». И вот однажды, в минуты затишья, мне понадобилось посетить наше нехитрое «заведение». Я, как подобает, доложила командиру о своём походе «по курсу» и пошла по траншеям. Так получилось, что на каждом расчёте немного задерживалась, чтобы поболтать и обменяться шутками. В это время начался обстрел. После каждого налёта мы выглядывали из траншеи, смотрели, куда попал снаряд и приговаривая «перелёт», «недолёт». Вдруг слышу свою фамилию: «Аристархова!». Я кричу: «Я!». Мне: «Ты жива?». Отвечаю: «Да, а что?». И слышу в ответ: «Туалет разбомбило!». Вот и получается, что моя разговорчивость меня спасла. Пойди я туда сразу, может, и в живых уже не было.

Запомнился ещё один случай. Погода была нелётная, налётов мы не ожидали, занимались строевой частью, проводили тренировки на своих приборах. Нам, девочкам, поступило распоряжение заняться закапыванием воронок, которыми распоряжение батареи было буквально изрешечено. Во время работы услышали вой летящего снаряда, который упал буквально у наших ног. Мы легли на землю, и нас накрыло взрывной волной, полностью засыпав землёй. Я лежу и думаю: «Хоть бы не в голову». Отлежались, поползли в сторону траншей. Стали проводить перекличку. Все десять девочек оказались живы, даже не ранены, только оглушило. Подбегает испуганный командир батареи, спрашивает: «Все живы? Ранения есть?». Оказалось, что это был фугасный снаряд замедленного действия, который при падении ушёл глубоко в землю, и нас это спасло. Осколки при взрыве снаряда остались в земле, и нас засыпало только ею.

Благодаря строгой дисциплине, соблюдению безопасности, потери на батарее были минимальными –

за год всего пять ранений, но три из них – смертельные.

Смерть всегда внезапна, до сих пор помню своих товарищей, которые погибли. Первый боец, ленинградец, умер от заражения крови. Он прибыл к нам на батарею после блокадной зимы 1941-1942 годов, рассказывал, как выживали в холодном городе и варили ремни от голода. И надо ж так случиться, что при выходе из землянки он стукнулся лбом, на котором вскочил фурункул, началось воспаление, когда привезли в госпиталь, спасти и его уже не удалось. Второй наш товарищ решил немного полежать на солнышке, случайной шрапнелью его ранило в живот, мы везли его в госпиталь и просили «Потерпи немного». Но, увы, не успели. Третий боец умер мгновенно при обстреле. Двое, раненые тоже при обстреле, выжили, но на нашу батарею уже не вернулись. Судьба их мне неизвестна.

17 января начался прорыв блокады Ленинграда. До 27 января 1944 года – полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады оставался год. Когда началась артиллерийская подготовка перед наступлением, без преувеличения могу сказать, что земля гудела и дрожала от выстрелов в радиусе нескольких километров, как при землетрясении.

После снятия блокады Ленинграда наша часть стала продвигаться за передовыми войсками, и так мы добрались до Павловска. Ехали через Пулковские высоты. Картину, которую мы там увидели, не забуду никогда. Это было огромное поле боя, без конца и края, и повсюду лежали трупы раздетых до нижнего белья людей, которые санитары складывали в грузовики как дрова.

Под Павловском наша батарея расположилась на бывших позициях фашистов. Они покидали их с такой спешностью, что в землянках осталась вся мебель и посуда. Мы удивились, когда увидели в них кровати с бельём. Сразу вспомнили о доме и долго радовались, что получится поспать по два человека на отдельной кровати без сапог и шинелей.

Наступление наших войск было таким стремительным, что довольно скоро мы покинули и

На Ленинградском фронте. 1944 г.

эти позиции. Набрали с девчатами всяких мелочей в Павловске: и миски, и зеркальца, и даже утюг. Но командир приказал нам всё выложить и взять только положенные личные вещи: ложки и котелки с кружками. Жалко было, но приказ есть приказ, с ними и пошли дальше. Ложку в сапог, кружку привязали к котелку и вперёд! Хотя, признаться, тихонько, чтобы командир не увидел, всё-таки взяли тогда одно зеркальце на десять человек да небольшое эмалированное ведёрко. Оно нас очень потом выручало, особенно в гигиенических процедурах.

Хоть враг и отступал повсеместно, но яростно сопротивлялся, попадались даже солдаты, которые, отстав от своих частей, в одиночку продолжали стрелять в наших бойцов. Помню, как ругался на нас командир отделения, когда мы решили пройтись по отвоёванному вражескому брустверу, чтобы посмотреть на оставленные пулемёты. Как он на нас тогда ругался и кричал, что не уследи он за нами, потерь было бы не избежать. Несколько раз спасал от мин, вовремя их замечая. А однажды запретил нам взять швейную машинку, которую мы увидели в одной из землянок. Оказалось, что она была заминирована, и наш командир просто спас наши жизни. Он часто говорил: «Ой, девчата, как трудно с вами воевать. Глаз да глаз за вами нужен!».

После Павловска мы передвинулись к Гатчине. При каждой смене позиции нам приходилось искать стройматериалы для укрепления землянок. Как-то раз дали нам с Настей Макарычевой лошадь с телегой и отправили искать доски. Настя – девчонка смекалистая и находчивая. За словом в карман не лезла, отпор могла дать любому, но и пела так хорошо, что заслушаешься. Едем мы на своей телеге и видим, что наши мост восстанавливают. Мама-дорогая, материалов то сколько! Настя пошла к ним и стала просить отдать нам не кондицию. Те согласились при условии, что мы вечером к ним приедем в гости. Настя пообещала, доски нам они сами погрузили. Едем мы обратно, я её спрашиваю: «Так ты что? И вправду вечером к ним ехать собралась?». «Ещё чего! – отвечает Настя, – обойдутся. Вроде и обманули, но понимали, что для дела. Приходилось выкручиваться, как могли.

В Гатчине уже летом 1944 года со мной произошла ещё одна история. Была моя очередь идти к колодцу с нашим ведёрком за водой. Как уж там получилось и почему – не помню, но ведёрко я утопила. Стала просить ребят, чтобы достали его из колодца, они отказались. А мне ведро жалко до слёз. Стала их уговаривать спустить в колодец меня. Даже плохонькая, но целая лестница нашлась метра на два, а колодец глубокий, никак не меньше десяти метров. Уговорила я их. Спустили они в колодец лестницу, я по ней вниз, достала ведёрко, даже с водой. Думаю, зазря в колодец опускалась что ли, хоть воды ещё вытащить надо. Только подниматься собралась, как объявляют тревогу. Мне-то внизу очень хорошо всё слышно. Подбегает командир взвода, начинает ругать бойцов, почему они не бегут по тревоге к своим расчётам, они объясняют, что в колодце Аристархова. Тот молча заглянул в колодец, увидел всю картину «маслом» и стал говорить, что вытаскивать меня надо срочно, но осторожно. Стали они втроём меня тянуть вверх. И только я коснулась края колодца, меня схватили за шиворот и резко вытащили. Спустя мгновение металлический провод на лестнице развязался, и она рухнула вниз.

Снова ангел-хранитель уберёт меня от смерти. И на этот раз он оказался нашим командиром. Его мы все уважали, но и боялись. Человек он был строгий, но справедливый и очень порядочный. К нему можно было обратиться не только по Уставу, но и с жизненными вопросами, так ему все доверяли. Он не только обучал нас военным премудростям, но и проводил беседы, а когда отогнали врага подальше от города, весной 1944 года, даже организовал самодеятельность.

На батарее многие умели играть на разных инструментах. У ребят даже была своя гитара и гармонь.

Ну, а я всегда была боевая, любила попеть и поплясать. И мы с подругами Настей Макарычевой и Лёлей Куликовой тоже решили принять участие в концерте.

Лёля умела играть на гармошке, я вместе с Настей плясала и пела. Стали готовиться к выступлению. Из простыней сшили юбки и кофты без рукавов, и в

таким виде, в сапогах станцевали чечётку. А после этого читали стихи, пели песни и частушки на злобу дня. Запомнила слова одной из них: «Пойду выйду на крыльцо, погляжу на небо. Не несёт ли старшина нам кусочек хлеба». В общем, успех у нас был оглушительный, не меньше чем у профессиональных артистов, которые тоже бывали у нас на передовой.

Как-то так получается, что в памяти остаются именно такие моменты, бытовые, мирные, порой курьёзные. Да, ежедневная военная служба, обстрелы, взрывы, в тысячный раз доложенное: «Цель поймана!», и смерти, всё это было. Но юность, да и сама жизнь брали своё. Хотелось жить и радоваться жизни, вопреки всему. И ради этой мечты мы готовы были отдать свои жизни за Победу, за мир, за возможность жить мирной жизнью.

*На концерте самодеятельности
с бойцами 19-й зенитной батареи.
Ленинградский фронт. 1944 г.*

Громов

Весной 1944 года я захотела съездить в Ленинград сфотографироваться на память. В компанию взяла ленинградку Тамару Сергееву. Пошли мы с ней отпрашиваться у командира взвода. Он сказал, что не возражает, когда появится возможность, сам отвезёт нас. Прошло несколько дней, Громов сообщил нам с Тамарой, что едем завтра. Поутру мы втроём вышли из распоряжения части и пошли вдоль шоссе в сторону Ленинграда. Нам повезло. Мы поймали попутку, которая везла в город картофель, и на ней доехали почти до центра. Там сразу пошли в фотоателье на Садовой улице. Сначала сфотографировались каждый по отдельности, потом я с Тамарой, и вдруг Громов говорит: «Товарищ Аристархова, разрешите сфотографироваться с вами?».

*С командиром 19-й зенитной батареи
ст.лейтенантом Л.А.Громовым.
Ленинградский фронт. 1944 г.*

*С Тамарой Сергеевой.
Ленинградский фронт. 1944 г.*

Я удивилась, но согласие дала, даже сказала, что отправлю фотографию маме и напишу, это – я с командиром своим на снимке. А про себя подумала: «Жмот! Со мной сфотографировался, а на фотографию с Тамарой денег пожалел».

После фотоателье мы с Тамарой пошли в гости к её маме, которая жила неподалёку от Садовой улицы, где мы фотографировались. Она очень обрадовалась и нашему приходу, и гостинцам, которые мы собирали всей землянкой: хлеб, консервы и даже конфеты. Нам к празднику выдавали усиленный продуктовый паёк, в котором курящим полагался табак, а некурящим – конфеты. Мама даже расплакалась от такого изобилия. Конечно, после прорыва блокады город снабжался намного лучше, но всё равно не так хорошо. Посидели мы у неё в гостях, попили чаю, к вечеру пришёл Громов. Утром он обещал нам достать билеты в театр, но они оказались распроданными. Тогда командир, чтобы мы не огорчались, предложил сходить в клуб на танцы.

Пришли мы на танцы. Кавалер у нас был один на двоих, поэтому танцевали с Тамарой по очереди. Народу в зале было немного. Несколько пар, таких как мы – военных, остальные – подростки. Тамара отпросилась к маме, а мы остались вдвоём. Потанцевали ещё немного, и Лев Александрович предложил пройти в буфет перекусить. На его прилавках практически ничего не было. Три бутылки вина и на небольшой тарелке горстка соевых конфет. Громов взял бутылку вина и все конфеты. Налил мне в гранёный стакан вино. Я сижу и думаю: «Проверяет, пьющая я или нет!». И категорически отказалась от вина, сказав, что не пью. «Ну, тогда ешь конфеты», – сказал он и пододвинул мне тарелку. Съела одну, чтобы не подумал, что обжора, и сижу, молчу. Вернулись на танцы, вино и конфеты остались в буфете. Танцуем, и тут Громов говорит, что собирается жениться. Я его поздравила и попросила не забыть пригласить на свадьбу нашу самодеятельность – вот уж потанцуем. Он сказал «конечно», танец закончился, мы вышли на улицу. Идём по вечернему Ленинграду, зашли на мост и вдруг как гром среди ясного неба его слова: «Полина, я знаю, что Вы замужем, у вас – много поклонников, но всё равно хочу сделать Вам предложение – выходите за меня замуж!». Меня как током ударило от такого предложения, сказать, что я была ошарашена, – не сказать ничего. Стою и молчу!». Он спрашивает: «Жду ответа?». «Это неожиданно, мне надо подумать», – ответила я и замолчала. Он спросил: «Сколько?». Я ответила: «Два месяца». «Так долго?». «Да, мне надо написать маме». А сама думаю, – и мужу. От Владимира больше месяца, как перестали приходить письма, и я уже стала волноваться. Громов не настаивал и ответил, что подождёт. Через месяц его перевели на повышение в Ленинград, а я осталась служить на батарее.

Письмо Володе я написала, спрашивала, почему перестал писать, не случилось ли чего? Вскоре получила от него ответ, в котором он довольно жёстко написал мне, что у него таких, как я, много, и нас уже ничего не связывает. Я поплакала, ведь всё ещё любила его. Но про себя решила, что после такого письма точно с ним жить не буду.

На батарее об этих событиях никому не рассказывала. Только у старшей подруги Маруси Пименовой попросила совета. Женщина она была замужняя, заведовала противогазами и другим обмундированием, муж у неё работал сапожником и обеспечивал офицеров хромовыми сапогами. Рассказала ей все свои подробности личной жизни, она внимательно выслушала и сказала, чтобы я выходила замуж за старшего лейтенанта Громова. Он человек порядочный, не пьёт, не курит, все его уважают, и за ним я буду как за каменной стеной. И ещё добавила, что такие как он могут дослужиться и до генерала. Как в воду смотрела.

Через некоторое время старшего лейтенанта Громова перевели из нашей части в Ленинград на повышение, нам назначили нового командира, я даже стала немного привыкать к тому, что его нет рядом. Прошло чуть больше месяца. И вот меня вызывает к себе в землянку новый командир батареи. Захожу, докладываю: «Младший сержант Аристархова по вашему приказанию прибыла». И слышу знакомый голос Льва Александровича, который протягивая руку в мою сторону громко говорит: «Вот она!». Мне отчего-то стало так неловко, было только одно желание – убежать. Я вместо приветствия громко сказала: «Разрешите выйти!». И слышу вопрос Громова: «Жду ответа!». Быстро сказав «да», пулей выскочила из землянки.

По батарее пронеслась новость: «Громов свататься к Полине приехал». Девочки меня журили, почему не рассказала, а что я им могла сказать, сама не ожидала, такой поворот событий, да и стеснялась как-то об этом рассказывать. Деваться мне было некуда, да я и сама уже понимала, что Лев Александрович – это моя судьба.

Семейная жизнь в Ленинграде

Свадьбу мы не праздновали. Ещё не оформив до конца документы, собрались в гостях у Марии Пименовой в Ленинграде на официальное сватовство: мы со Львом, политрук, медик и ещё несколько человек посидели за скромным столом, все желали нам счастья и любви. Здесь же, в Ленинграде в квартире Марины и прошла наша первая брачная ночь.

А дальше я вновь вернулась на батарею, а Громов – к новому месту службы. Буквально через несколько недель я очень сильно заболела и с высокой температурой попала в больницу. У меня обнаружили перитонит, требовалась полостная операция.

Громов часто навещал меня, заботился, и я всё больше убеждалась, что сделала правильный выбор, связав свою жизнь с умным, талантливым и очень надёжным человеком. Мои чувства к нему крепились с каждым днём.

Во время операции выяснилось, что у меня – беременность на очень ранних сроках, на вопрос буду ли я её сохранять – ответила: «Да». Рассказала об этом Громову, он очень обрадовался, сказал, что вызовет из Костромы мне на помощь свою маму. 2 января 1945 года после выписки из госпиталя мы поженились, до окончания войны оставалось меньше полугода. Лев Александрович в то время служил в Управлении Штаба артиллерии Ленинграда.

Я уволилась из Красной Армии заместителем командира приборного отделения в звании младшего сержанта. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», орденом Красной Звезды второй степени и многими юбилейными медалями.

Сразу после демобилизации, Лев Александрович привёз меня к себе домой в Ленинграде на улицу Пестеля, дом 7, в квартиру №15. Квартира была коммунальной, наша комната – одна из самых больших: 23 квадратных метра, с высокими потолками и огромным окном. Комната принадлежала бабушке Льва – Феодосье Фёдоровне Громовой.

Семья. 1945 г.

Вместе с ними проживала и родная тётушка Льва Александровича – Мария Максимовна Львова. О семье Льва Александровича по линии Громовых и Львовых надо обязательно рассказать отдельно. Дед Льва тоже был военным, воевал на Кушке во время Русско-Турецкой войны, освобождал Болгарию от турецкого ига. Семья Громовых была очень большая и дружная.

В этой коммунальной комнате и началась наша совместная жизнь. Лев оказался очень заботливым мужем. Привёл в порядок комнату, после войны окна были разбиты, штукатурка свисала с потолка, а у мебели был удручающий вид. Я вместе с ним отмывала от грязи стены и паркет. Потихоньку обзавелись своими вещами. Кто-то собирался выбросить старый буфет, я его взяла себе, и он стоял как перегородка, отделяя нашу кровать от остальной части комнаты. Купили новый стол и диван. 19 мая 1945 года родился наш первенец Серёжа. Первое время мне помогала сестра моей свекрови Вера. Она учила меня правильно пеленать, кормить грудью. Особых хлопот сын не доставлял. Кушал хорошо, спал по часам, так что и

я успевала отдохнуть. Со Львом мы жили хорошо, спокойно, я постоянно чувствовала его заботу.

Когда Сереже исполнилось несколько месяцев, я решила поехать к своим родным, а оттуда – к новым родственникам в Кострому. Так и сделала. Сама села на поезд, приехала в Ромашково. Пришло много гостей повидать меня. Серёжа спал на кровати, когда я его взяла на руки, все были поражены, тем, какой у меня спокойный сын.

Погостив в Ромашкове, поехала к своим свёкрам в Кострому. К моему прибытию они пригласили много гостей и, гордо взяв на руки внука, показали его друзьям и родственникам. Я старалась показать себя хорошей хозяйкой: помогала по дому, готовила еду, мыла, убирала, стирала. Александра Максимовна сначала поглядывала на меня с недоверием, но потом наши отношения наладились. Она очень полюбила Сергея, называя его Сергунчиком.

В Костроме. 1950-е гг.

Послевоенные годы

После войны мы три года прожили в Ленинграде с мужем и сыном. Лев Александрович продолжил служить в армии. Я не работала, занималась хозяйством, воспитывала сына, занималась рукоделием – шила вещи себе и Сергею. Жизнь текла тихо и мирно.

После войны Александра Максимовна стала чаще болеть. Муж договорился, чтобы её положили на обследование в Ленинграде. Нашли опухоль. Лечение помогло, но возраст давал о себе знать, она всё чаще и чаще плохо себя чувствовала. Так пришло решение продать дом в Костроме. С этим поручением она обратилась ко мне. Лев в это время был в длительной командировке по делам службы. И с двумя детьми поехала в Кострому. Это было ужасно. Особенно ночью, одной с детьми в большом доме. Закрывала окна снаружи и только потом ложилась спать. Время было послевоенное, трудное, за хлебом приходилось выстаивать огромные очереди. Давали по полбуханки в одни руки. Я расставляла по очереди мальчишек, и мы на троих брали полторы буханки. На поиски покупателя на дом ушло несколько дней. Договорившись, что хозяйка дома приедет проводить сделку купли-продажи, я уехала обратно в Ленинград. Свекровь выписалась из больницы и вместе с сестрой Верой Максимовной поехала в Кострому. Мы остались в Ленинграде, и все вместе жили в одной комнате на Пестеля: я с мужем, дети, Соня (младшая сестра мужа) и свёкр. Спали, как придётся. И на раскладушках, на кровати, на диване. Но уживались, в тесноте да не в обиде. Одновременно я искала дом в Ленинградской области. Долго ничего подходящего не находилось. И вдруг я узнала, что в Шувалово за долги продают полдома. Быстро съездила в исполком, всё более подробно узнала, хозяева дома предложили нам поделить дом пополам, они остались на первом этаже, а мы полностью заняли второй. Свёкр со свекровью и София переехали туда, наконец, обретя в Ленинграде своё жильё. Александра Максимовна всё чаще болела и скоро совсем слегла. Мне приходилось ездить в Шувалово практически ежедневно, но я считала это

своей обязанностью. Вечером меня подменяла Вера Максимовна. Александра Максимовна умерла в 1975 году, похоронена на Шуваловском кладбище.

В 1950 году наша семья прошла через серьёзное испытание. Во время учебных занятий на полигоне Лёва получил тяжёлое ранение в живот. Ранение смертельное, был затронут тонкий и толстый кишечника. Его в бессознательном состоянии привезли в Военно-Медицинскую академию. Операция длилась четыре с половиной часа, он потерял много крови, но выжил. Я срочно устроила сына Сергея в лагерь, а сама легла в больницу к мужу, ухаживать за ним. Мне разрешили находиться рядом с ним круглосуточно, предоставив нам отдельную палату. Так я и сидела с ним рядом с бинтом, привязанным от его руке к моей. Он периодически проваливался в бессознательное состояние, бредил, температура зашкаливала. Когда он приходил в сознание, начинал теревить мою руку и я понимала, что ему что-то надо. От бессонных ночей и переживаний я думала, что схожу с ума.

Каждый день приходила лечащий врач, молодая женщина, уже не помню, как её звали. И вот однажды она принесла гранёный стакан водки и велела Льву Александровичу его выпить. Меня удивили её слова, ведь на службе он не пил и не курил. Лев отказывался, мы вдвоём с врачом стали его уговаривать и, выпив этот стакан, он буквально провалился в сон, а проснувшись, почувствовал себя бодро, сказав, что теперь всё будет хорошо. Осмотр старшего хирурга и лечащего врача подтвердил, что весь гной из кишечника вышел, и теперь жизни ничего не угрожает. Проверили шов, он тоже перестал воспаляться и начал заживать. Шов был наложен «наживую», так как через некоторое время предстояла ещё одна операция по окончательной чистке кишечника.

После выписки из больницы нам с мужем дали путёвку в санаторий. Я уже была беременна вторым ребёнком. Поведала об этом мужу, он очень обрадовался, сказав: «Пусть живёт во имя жизни!». Так в 1951 году у нас родился второй сын – Саша, а Сергею было уже четыре года.

После окончательного выздоровления и второй успешно проведённой операции Лев Александрович стал готовиться к поступлению в Артиллерийскую академию. Поступил он туда в 1951 году, а окончил – в 1957-м. Карьера мужа шла в гору. Уже во время войны его перевели на повышение в Штаб Армии, где он и служил до начала 70-х годов. В 1964 году он служил заместителем начальника Штаба армии генерал-полковника Василия Николаевича Кубарева, Героя Советского Союза. В 1968 году Льву Александровичу присвоили звание генерал-майора и направили на службу в Архангельск. Прослужив там более двух лет, он был переведён в Харьков на должность заместителя начальника Военной академии. В 1973 году он защитил кандидатскую диссертацию.

В 1970-1971 годах Лев Александрович был направлен в командировку по исполнению интернационального долга в Каире. Налаживал там систему противовоздушной обороны. Там он полюбил длительные заплывы в Красном море. Он уплывал так далеко, что его коллеги начинали беспокоиться, не случилось ли с ним чего-нибудь.

В Харькове нам дали трёхкомнатную квартиру, мои дети окончили школу, и младший сын Саша поступил в Харьковскую военную академию, решив идти по стопам отца. После выпуска он служил в Советской Армии, закончив военную карьеру в звании подполковника. Старший Серёжа после школы пошёл работать на завод турбинных лопаток. Женился. Родилась дочь Арина. До школы она жила вместе с нами. Я очень хотела, чтобы Сергей получил высшее образование, и постоянно об этом говорила. Серёжа меня услышал и поступил на заочное отделение Харьковского технологического института, который успешно окончил спустя пять лет.

В Харькове через двадцать лет после войны мы организовали встречу однополчан. Я была очень рада встрече с Настей Макарычевой и Лёлей Куликовой.

В Харькове нам очень нравилось, и мы бы с удовольствием там остались, но должность Льва Александровича не предполагала повышения звания. И так получилось, что через некоторое

Прага. Приём парада

время мы направились в длительную командировку в Чехословакию. Там, будучи уже в звании генерал-лейтенанта, с 1977 по 1981 годы он был представителем Главкома государств – участников Варшавского договора. А я работала воспитателем детского сада в пионерском лагере «Шагайка».

Долгое время супруг принимал участие в решении задач по укреплению противовоздушной обороны Советского Союза. После выхода в отставку преподавал в Военной академии, а затем – в ленинградском Горном институте. Нам тогда уже дали квартиру в Сестрорецке.

Вместе мы прожили 46 счастливых лет. В 69 лет его не стало. Он умер у меня на руках прямо во время укола. Лев говорил, что ему очень больно, но медсестра сказала, что это назначение врача. Официальный диагноз у него был такой же, как и у свекрови - онкология. Похоронен Лев Александрович на Сестрорецком кладбище.

Совет ветеранов

После смерти мужа я осталась одна и не понимала, как же я буду жить дальше? Сыновья выросли и жили самостоятельно заботами своих семей. Остаться в строю мне помог Совет ветеранов. Его тогда возглавлял участник Великой Отечественной войны Павел Андреевич Кузьмин. Именно он привлек меня к общественной работе. Вместе с другими ветеранами мы ходили по домам и квартирам ветеранов войны и труда, записывали их биографии, приглашали на мероприятия Совета, стала заниматься в спортивной команде ветеранов, я записалась в хор «Вдохновение». После смерти Павла Андреевича Совет ветеранов возглавил Виктор Михайлович Михайлов. С ним работа в Совете продолжилась, наша спортивная команда завоевала много медалей и грамот не только на районных, но и на городских соревнованиях. Мы всегда активно участвуем во всех мероприятиях, ходим по школам и детским садам. Можно сказать, что живём как большая дружная семья.

*На торжественном собрании
в кинотеатре «Курортный»
Слева направо: Ю.П.Мильников, Г.Е.Семёнов,
П.Д.Громова, П.А.Кузьмин. 2008 г.*

*После заседания Совета ветеранов.
Сестрорецк. 2009 г.*

СЫНОВЬЯМ

И вот, мне уже сто лет, а моего дорогого Льва Александровича нет уже целых тридцать лет. И забыть я его не могу. Наоборот, с каждым днём всё больше и больше понимаю, какое счастье, что я была его женой. Он оставил прекрасные воспоминания о своей семье, о службе в армии. Только после смерти я прочитала эти записи и захотела в память о нём написать эту книгу, чтобы не только наши дети, внуки и правнуки узнали о нашей жизни, но и все, кто прочитает эти строки.

Сыновья вы мои!
 Мне теперь вы друзья.
 Я вам мысли свои
 Передам, не тая.
 Вас родила любовь
 Двух счастливых сердец.
 Мы отдали вам кровь –
 Ваши мать и отец.

Шла в те годы война,
 Все стонало кругом.
 Нас послала страна
 Защищать родной дом.
 Ленинград был в огне –
 Здесь я бился с врагом.
 Присягали стране:
 Победим иль умрём!

В ваш родной Ленинград
 Из Москвы пришла мать
 Через кольца блокад,
 Чтобы нас поддержать.
 В те блокадные дни
 Москвичи помогли:
 Нам прислали они
 Юность русской земли.
 Смелость девушек тех
 В сорок третьем году,
 Их улыбки и смех
 Порождали мечту.
 Дружба, клятвы, любовь –
 В бой вели они нас.
 И кипела в нас кровь,
 И бежал враг не раз.

Но пришла та весна
 Когда я полюбил.
 И сказала она,
 Что расстаться нет сил.
 Долгим был поцелуй
 В той весенней ночи.
 Соловей, не горюй,
 До утра помолчи.

Ах, зачем же молчать,
 Радость прятать свою,
 Буду щёлкать, кричать,
 Песнь любви вам спою!
 Той счастливой весной
 Часто пел соловей.

И ночью порой
 Целовались мы с ней.
 Томно стало сердцам
 Летним солнечным днём.
 Предавались мечтам
 Мы с тобою вдвоём.
 Жарким стал поцелуй,
 Радость встречи – сильней.
 А под сердцем твоим
 Робко бился Сергей.
 Осень трудной была.
 Много пасмурных дней.
 Ты под нож вдруг легла,
 Сын же бился сильней.
 Под ножом вы вдвоем!?
 Каково было мне?
 Гимн хирургам поём –
 Мы счастливы вдвойне!
 Затем в зимние дни
 С затемнённым окном
 Мы частенько одни
 Вновь мечтали о нём.
 А победной весной
 Снова пел соловей:
 Вот он первенец твой,
 Его имя – Сергей!
 Пролетело пять лет,
 А любовь всё сильней.
 Для неё сроков нет –
 Только сам не старей.
 Снова счастья цветы –
 Поцелуй в ночи.
 Снова наши мечты,
 Громче сердце стучи!
 Той счастливой порой
 Вдруг случилась беда:
 Выстрел глянул глухой,
 Я был ранен тогда.
 Снег. Морозы. Зима.
 Госпитальный покой.
 Ты сказала сама:
 Лев, потрогай рукой.
 Под моею рукой
 Среди слёз и тревог
 Сын забился второй,
 А отец встать не мог.
 Тяжко было тебе:
 Сын под сердцем стучит,

Муж со смертью в борьбе
 Под ножом вновь лежит.
 Но сдержали с тобой
 Злой старухи напор.
 С её смертью-косой
 Мой столкнулся топор.
 И топор победил,
 Смерть назад отошла,
 Я хирургов хвалил,
 В сердце радость пришла!
 А затем майским днём
 Вновь под песнь соловья
 Мы с Серёжей вдвоём
 Провожали тебя...
 А встречал я один.
 Радость пела в груди,
 На руках Саша – сын,
 Страхи все позади!
 Много лет уж прошло.
 Вы цвели, как цветы.
 Счастье жизни пришло.
 Так сбылись мечты.
 Без мечты нет любви –
 Без любви счастья нет!
 Нет кипенья в крови –
 Нет и в жизни побед!
 Надо с милой дружить,
 О любимой мечтать.
 Надо ярко любить,
 Целовать и ласкать.
 Если хочешь тепла,
 Так подбрось в печку дров.
 Если хочешь добра,
 Сам не будь ты суров.
 Если будешь скупой,
 Сердце станет глухим,
 Даже с милой женой
 Будешь мужем плохим.
 Ласки ей ты дари
 И вниманье всегда.
 А взамен всё бери,
 Не черствей никогда.
 Будешь ласковым ты –
 Будет вечно любовь,
 Будут вечно мечты
 И горячею кровью!

Л.Громов

На Дне города. Сестрорецк. 2010 г.

С В.М.Михайловым

На субботнике. 2009 г.

В День Победы. 2010 г.

На Празднике улиц Героев. 2010 г.

С членами Совета ветеранов. 2011 г.

*Посадка берёзок на аллее 50-летия Победы
в г.Сестрорецке. 22 июня 2011 г.*

*Торжественное собрание,
посвящённое Дню снятия блокады Ленинграда. 2011 г.*

*Юбилей – 90 лет.
21 октября 2011 г.*

*Поезд Памяти Санкт-Петербург – Курск.
Май 2014 г.*

Выступает хор «Вдохновение». 2012 г.

Поздравление с 99-летием. 21 октября 2020 г.

Громова П.Д.

Наша память

*Мемуары вдовы генерал-лейтенанта
Льва Александровича Громова*

Редактор – Яна Храмцова
Корректор – Владимир Матвеев
Вёрстка, дизайн – Татьяна Курбатова

Отпечатано в типографии «ТАРО»,
199106, Санкт-Петербург, 24 линия, д.3-7.
Тираж – 300 экз.